

НАСЛЕДИЕ

Милосердие по Гайдару

«Здравствуйте! Надеюсь, Вы нас не забыли? Понимаем, что время сейчас смутное, тревожное. Но хоть краешком души хочется верить, что добрых и отзывчивых людей больше, чем черствых и жестоких. Что бы там ни говорили об Аркадии Гайдаре и его творчестве, мы верим в светлых героев Гайдара, верим в него самого»...

Это пишут ребята из поселка Прикубанский Карачаево-Черкесской республики. Там при школе — клуб «Гайдаровец». Подобные же письма — из сел Воронежской, Пензенской, Орловской областей, из Казахстана и Украины. Спрашивают школьники — как быть и что делать дальше. Ко мне обращаются потому, что много лет назад мой отец, писатель Сергей Розанов, дружил с Аркадием Гайдаром, он бывал у нас дома. Ставши взрослым, я кое-что рассказал об Аркадии Петровиче в газетных очерках, в своей книжке. Возникли связи с тимуровскими командами и гайдаровскими клубами. Некоторые команды и сейчас не распадаются. Несмотря на усилия любителей поплясать на могилах.

мяница — принцесса иностранного происхождения и необыкновенной красоты... Впрочем, это было не в сказочное, а в наше советское время. И по крепостной стене лез к этой принцессе никому не известный мужчина...

Мужчина оказался демобилизованным красноармейцем, попавшим в беду: потерял только что полученный паспорт — ни прописаться, ни на работу устроиться. Знакомых в городе нет, денег тоже. В течение нескольких часов Гайдар выхлопотал вчерашнему саперу (без его ведома) право на жительство и рекомендовал бригадиром на стройку. И тут же вместе с отцом исчез из Казани. Слов благодарности он не терпел. Так закончилась очередная игра.

ЗАРАБАТЫВАЛ Гайдар немало, но богаче не становился, то и дело оставался без гроша. Незнакомым чужакам ребяташкам раздавал плитки шоколада. Встретит случайно бывшего однополчанина, поднесет ему стаканчик, а вскоре на гайдаровский гонорар гуляет вся пивнушка. В середине тридцатых он писал в дневнике: «В сущности, у меня есть только три пары белья, вещевой мешок, полевая сумка, полушубок, папаха — и больше ничего и никого — ни дома, ни места... Я вовсе не бедный и уж никак не отверженный... Просто как-то так выходит».

Выходило так, я думаю, потому, что всю жизнь Гайдар оставался воином, который взвалил на себя ответственность за правду и справедливость. В четырнадцать лет, будучи бойцом арзамасской дружины РКП, получил он удар штыком в грудь. К семнадцати годам командир 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом Аркадий Голиков перенес около десяти ранений, тяжелую контузию и вынужден был оставить воинскую службу из-за неизлечимого заболевания центральной нервной системы.

Умел ли он быть бесшадно жестоким? А как же! Война — штука крайне жестокая. И не доверили бы мякотелому парнишке командовать семью тысячами бойцов. Но когда сегодняшние «искатели истины» злобеще заявляют, что юный большевик Гайдар был изувером по натуре и наслаждался мучениями беззащитных... Ай, братцы!

Аркадий Петрович не был коммунистом, точнее, в начале 20-х вышел из партии (о чем конъюнктурщики-биографы, конечно, молчали) — партийная дисциплина была ему чуждой. Но отважно защищал он те светлые идеалы, за которые сражались и погибли сотни тысяч людей. Жалок тот, кто утверждает ныне, будто воины революции были сплошь бездуховны, движимы лишь низменными побуждениями. Безбожник Гайдар в чистых порывах своих — истинный христианин. Вспомните Евангелие: «Смотрите, не выставляйте ваши праведные дела напоказ людям... Когда вы даете милостыню бедным, то не объявляйте об этом всем, как это делают лицемеры в синагогах и на улицах для того, чтобы их хвалили...».

Пишущий эти строки — тоже атеист. Но не могу взять в толк, как это можно сегодня ратовать за возрождение религиозной духовности в России и тут же пригласить служителей культа для освящения банков, казино и мотелей? Как можно показывать по телевидению господ, жрущих и выпивающих по поводу некоей благотворительной акции? Не о них ли говорит Евангелие: «Горе вам, учителей закона и фарисеев! Лицемеры! Вы, как те гирилы, которые снаружи выглядят красиво, а внутри полны мертвых костей и гниль... На вас падет вина того, кто проглотит все пра-

ведников, пролиту на Земле... Аркадий Гайдар знал прекрасные эти слова. Их можно было бы адресовать и прежним партократам, и нынешним их наследникам. Всех мастей...

ГОД 1938-й. Ночь. На берегу пруда — костер, возле которого похрапывают приехавшие на пикник братья-писатели. Гайдар хмуро смотрит в огонь, курит. И вдруг спрашивает меня, своего 14-летнего читателя:

— Слушай, ты веришь, что Сашка — сволочь? — он говорит о первом секретаре ЦК ВЛКСМ Александре Косареве, любимце молодежи, которого объявили врагом народа.

— Я не знаю, Аркадий Петрович.

— А что Наташа — сволочь — ты веришь? — он говорит о моей матери, арестованной неизвестно почему.

— Не понимаю...

— Ты не знаешь, не понимаешь, а я не верю. Не верю! Не верю! — Гайдар скрипел зубами, и лицо его искажала боль. Он поднялся и зашагал во тьму.

Аркадий Петрович не только громко говорил о том, о чем в ту пору не осмеливались даже шептаться. Месяц через два он читал в нашей квартире главы новой повести, которая начиналась с того, что у мальчика Сережки арестовали отца. Неведомо за что. Сережка остается один и чуть не становится пособником настоящих уголовников и диверсантов. Писательский подвиг Гайдара я приравнял бы к самому смелому фронтовому подвигу. Впрочем, надо было жить в то время, чтобы меня понять. Правда, начало «Судьбы барабанщика» автору пришлось переделывать: отец Сережки превратился в директора универмага, угодившего в тюрьму за растрату, в которую втянули его плохие люди. Но это не снизило значимость прозвучавшего на всю страну: «Сейчас тысячи и тысячи детей остаются без родителей. Не бросайте их в расщелие, иначе вырастет поколение врагов».

Пушкин «призывал милость к падшим». Но в его времена падшие не были столь опасными, как сто лет спустя. За милость в 1938-м могли раздавить, как мушку. И самые храбрые герои, видевшие беззаконие и произвол, пикнуть не смели. А Гайдар посмел. Сказал в полный голос и был услышан. Да разве стоят хоть мизинца Гайдара сегодняшние его хулители?

ПОВЕСТЬ «Тимур и его команда», как я полагаю, далеко не лучшая вещь Гайдара. Жизнь в ней окрашена в розовые и голубые тона. Но игра, предложенная книгой, — эпоха в педагогике. Главная черта гайдаровской природы — творить добро тайно, радовать и удивлять, играя, — эта черта оказалась близкой тысячам и тысячам детей. Трудно исчислить пользу, какую принесла книга воспитанию милосердия, духовности. Конечно, сразу засуетились усердные дяди и тети, поставившие тимуровское движение на службу партийно-комсомольской показухе. Подсчет переведенных через улицы старухек превратился в госслужбу. Ведра воды, принесенные детьми, обрушились ниагарами. Видя это, Аркадий Петрович пишет киносценарий «Клятва Тимура». По сценарию «Клятвы Тимура» опубликован в газете, он обзаводится портфелем, игра теряет таинственность и гибнет. Начавшаяся война снова сплывает тимуровцев.

Нет, этого взрослого функционера не читали, как нередки и других произведений Гайдара. Они учили не читать, а почитать. После войны беспартийного Гайдара превратили в

партийную икону. Стали традиционными «слеты тимуровцев» — школы лжи, лицемерия и приписок. Несмотря на это, ИГРА В ТИМУРА продолжала оставаться любимой ребячьей игрой. Имею множество тому свидетельств. Приведу лишь одно.

В небольшом алтайском селе Бутакове ученики восьмилетней школы помогли ветеранам войны, семьям солдат и офицеров, в дни рождений выступали для них с концертами. По подказке учителя Зайцева устроили Музей труда крестьян-старообрядцев. Обошли десятки сел, собрали уникальную коллекцию орудий труда, рушников, одежды, обуви, кержацких икон, рукописных книг. Так родился в Усть-Каменогорске уникальный Восточно-Казахстанский этнографический музей, где собраны факты бытия крестьян, сумевших в горной тайге уйти от крепостного права, сохранить образ жизни, заповеданный «старой верой». Это малоизученный пласт русской истории и культуры. А директором — музея — бывший учитель Зайцев.

Сегодня известный писатель-фантаст Кир Булычев (он же — доктор биологических наук Игорь Можейко) в одном из сочинений называет «Тимура и его команду» милитаристским произведением. Если верить критике, то не подобает с оружием в руках защищать свою Родину, любить свою армию, помогать семьям военных, даже погибших и изувеченных в бою. Что ж, у Кира — куча единомышленников: русскую армию превратили в большой придаток тяжело больной страны. Вчерашние тимуровцы знакомятся в школах со священным писанием, а для дальнейшего возрождения духовности — «Лотто миллион», «игральные автоматы», восхваление доллара... Люди гибнут за металл. Людская кровь рекой течет по клинкам. Виват, Россия!

22-го ИЮНЯ 1941 года Аркадий Петрович явился в военкомат. Ему напомнили: к воинской службе негоден. Гайдар уехал на фронт корреспондентом «Комсомольской правды». Долго мы о нем ничего не слышали. Он вновь появился в нашей квартире 25 августа — загорелый, сумрачный, молчаливый, приехал на пару дней — выступить по радио. Мы тогда еще не могли понять, почему наша легендарная Красная армия оставляет город за городом. Гайдар был первым человеком с фронта, которого я увидел. Я знал, он скажет правду.

В сумерках за нашим столом сидели отец и соседи — немецкий драматург-антифашист Фридрих Вольф с сыном Мишкой, профессор-театровед Борис Аллерс. Наизусть, не заглядывая в блокнот, Аркадий Петрович читал нам новый очерк «Мост». И каждой строчкой говорил: война будет неизменно тяжелой, но мы выстоим. Лишь потом я узнал, как на том самом мосту, под налетом «юнкеров» корреспондент «Комсомолки» наводил порядок — растаскивал телеги крестьян, спешивших на базар в Канев, и военную технику. Сам Гайдар о своих воинских делах, разумеется, не упоминал. Он рассказывал проще:

— Приехали мы в село, где стоял наш батальон пехоты. Командир, молодецкий такой, спрашивает: «Школа» — ваша книга? Читал, читал. Тут начали немцы в наше расположение из минометов сажать. Аккуратно сажают, в шахматном порядке. Втиснулся я в землю среди подсолнухов. Как мина завизжит, кажется, сейчас точно в макушку заедет. А в ушах почему-то хорошая песня звучит — тоненько-тоненько: «Над волнами вместе с нами птица-песня держит путь», — и Аркадий Петрович пропел эти строчки. — Поднимаюсь, отряхиваю грязь, морда, должно быть, очумелая. Комбат говорит: «Эх, товарищ писатель...»

— Ругаю себя, что не умел до войны время беречь, — продолжал он. — Писать хочется страшно. Придумалось: вот начало повести... Сидит командир над слинием двух рек — темной и светлой. И думы у командира, как эти воды — темные и светлые. Катятся и сливаются думы...

Никогда мы не узнаем, что дальше случилось в повести, прилетели немецкие самолеты бомбить Москву. Старшие ушли в подвал играть в шахматы. Мы с Мишкой — пожарные дружинники — полезли на крышу. Гайдар завалился на отцовскую кровать и крепко заснул — привык на фронте к бомбежкам. После отбоя возмущенной тревоги пожаловался:

— Что у вас за кошмар! Вся ночь орет, спать мешают.

А из окон от взрывов повывлетали стекла.

Гайдар встряхнулся и заспешил на аэродром, откуда уходил самолет в осажденный Киев. На столе, рядом с моими тетрадками по геометрии и физике остался его фронтовой блокнот. Последняя фронтовая запись карандашом: «Слива, срезанная снарядом. На пожарище плачет девочка. Обезумевшая старуха копается в горючей земле, бормочет: «Боже мий, боже! Карай мени, грешницу, а моих внучиков за що?».

Ушел и я в армию, и пропал тот зеленый блокнот с лучистой гайдаровской звездочкой на обложке.

Адриан РОЗАНОВ.